

СОЧИНЕНІЯ

КНЯЗЯ В. Θ. ОДОЕВСКАГО.

Multorum eruditorum virorum iudicium
credo, sed aliquid et sibi vindico.

БЕНЕСА

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

РАЗСКАЗЫ ПУТНИКОВЪ.

ОПЫТЫ РАЗСКАЗА О СТАРИННЫХЪ И СОВРЕМЕННЫХЪ НАРОДНЫХЪ ПЕРЕДАНИЯХЪ.
СНЪСЬ.

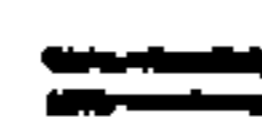

Изданіе книгопродавца Коанова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Э. ПРАЦА.

1844.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.**

С Петербургъ, Января 20 дня 1844 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

I.

РАЗГРАБЫ

ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

СВИДѢТЕЛЬ.

(ПЯСВ. А. И. КОШЕЛЕВЪ.)

....Я выскочилъ изъ коляски и цаловалъ родную землю. Звонъ русскаго православнаго колокола вывелъ меня изъ этого чувства самозабвенія, которое находить на душу при видѣ отчизны, особливо послѣ десятилѣтней съ нею разлуки. Недалекъ, на пригоркѣ бѣлѣлись стѣны монастыря. Забывъ усталость, я бросился въ отворенныя врата храма, не съ холоднымъ любопытствомъ путника, но какъ младенецъ бросается въ объятія матери. Это испытали все послѣ долгой разлуки съ родиною.

Всенощная отошла. Сквозь полукруглыя окна проходили длинныя, багровыя лучи заходящаго солнца, волновались въ облакахъ церковнаго өмчї-ама, и рядами ложились на свѣтлую позолоту иконостаса — какъ долгая, горькая, взволнованная кровавыми страстями молитва, достигшая наконецъ

Скишии Завѣта души человѣческой. Свѣжій, вечерній воздухъ проникалъ въ растворенныя двери. Міряне начали выходить изъ церкви; за ними черною полосой потянулась монастырская братія. Я стоялъ неподвижно; опустѣлый храмъ мнѣ казался еще величественнѣе, еще благодатнѣе. Его видъ наводилъ тѣ мысли, которыя исчезаютъ среди толпы, въ жизни мятежной, которыхъ не можетъ уловить слово, но которыя такъ внятно говорятъ сердцу. Почти неслышимый шорохъ заставилъ меня замѣтить, что я не одинъ. Въ отдаленномъ углу я замѣтилъ монаха, распростертаго на хладномъ помостѣ. Невольное любопытство заставило меня также остаться въ церкви. Накопецъ отшельникъ всталъ; лицо его освѣтилось лучами солнца.

Незнакомецъ, казалось, также узналъ меня. Мы сошлись ближе. «Ты ли эти, Ростиславъ?»

— Ты ли это, Григорій? — и мы бросились другъ другу на шею. Я узналъ стараго товарища по службѣ, стараго товарища моего дѣтства.

«Что значитъ твое платье? Что значитъ твое блѣдное, изнывшее лицо? Ты ли это, удалой гусарь, украшеніе петербургскихъ баловъ?»

Монахъ не отвѣчалъ ни слова, вздохнулъ глубоко и повелъ меня въ свою келью. Вотъ что онъ разсказалъ мнѣ:

«Вскорѣ послѣ твоего отъѣзда въ чужіе края, я отправился въ отпускъ къ роднымъ; въ семьѣ я нашелъ магушку, уже очень слабую и больную;

моего младшаго брата я почти не узналъ: въ его возрастъ челоуѣкъ такъ быстро перемѣняется, — а я уже лѣтъ пять не видалъ его; теперь ему было около семнадцати лѣтъ; онъ былъ прекрасенъ собою в самага милаго юношескаго характера. Магушка не хотѣла отпускать его; она его одного изъ всѣхъ дѣтей кормила сама, а ты знаешь, что это обстоятельство производитъ между матерью и дѣтьми какую-то таинственную, неразрывную, почти физическую связь, которая усиливаетъ въ высшей степени и безъ того горячее материнское чувство, и не проходитъ съ лѣтами. Вячеславъ совсѣмъ-было согласился на желаніе матери. Но когда онъ увидѣлъ мой блистательный мундиръ, мои усы, наслышався моихъ розказней о полковомъ, пріятельскомъ кругу, о театрѣ, о всѣхъ наслажденіяхъ петербургской жизни, — онъ позабылъ просьбы матери, свои обѣщанія, и сталъ неотступно просить у нея позволенія вступить въ военную службу. Я присоединилъ къ его просьбамъ мои; я представилъ матушкѣ всѣ выгоды, которыя ему доставитъ этотъ родъ жизни; напоминалъ ей, что мы будемъ другъ другу подпорю; обѣщалъ быть при Вячеславѣ неотлучно, быть для него не только братомъ; но отцомъ. После долгой борьбы, магушка однажды наединѣ подзвала меня къ своимъ кресламъ и сказала: «Я не могу больше противиться вашимъ просьбамъ. Я не хочу, чтобы дѣти мои могли когда либо обвинять меня въ томъ, что я помѣшала ихъ счастію въ жизни. Возьми Вячеслава съ собою; но, Ростиславъ, не

радуйся моему согласію : ты не знаешь, какую ответственность я на тебя налагаю ; если бы я могла отъ кресель дойти до кареты, я поѣхала бы съ вами, но это было бы бесполезно ; для меня, старухи, все равно 700 верстъ, или семь сажень — мнѣ за вами не угнаться ; я была бы вамъ только помѣхою въ жизни, а ты знаешь, что я не принадлежу къ числу тѣхъ матерей, которыя, по какому-то эгоизму, любятъ держать дѣтей своихъ возлѣ себя на привязи, хотя и увѣрены, что имъ собою надѣются. Теперь слушай : Вячеславъ дитя ; онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ, не знаетъ ни людей, ни жизни, но ты, Ростиславъ, ты уже не ребенокъ : ты перешелъ это время страшнаго кризиса, когда въ головѣ чловѣка нѣтъ ни одной собственной мысли, когда онъ не можетъ себя дать ни въ чемъ отчета, когда каждое слово, погромче другаго пропзнесенное, можетъ совратить его съ прямаго пути. Ты естественно будешь имѣть сильное вліяніе надъ твоимъ братомъ ; еще долго онъ будетъ думать твоею головою, чувствовать твоимъ сердцемъ, жить твоею жизнью. Береги себя, береги его. Я не пріиму отъ тебя никакихъ оправданій : что онъ сдѣлаетъ, въ томъ ты будешь виновата передо мною ; въ твоихъ сношеніяхъ съ братомъ ты долженъ все предвидѣть, все предупредить, и въ его поступкахъ ты мнѣ дашь отвѣтъ, и въ сей и въ будущей жизни.» Эти слова до-сихъ-поръ звучатъ въ моемъ слухѣ. Матушка была растрогана — я также. Я въ душѣ былъ твердо убѣжденъ, что ея

довѣренность ко мнѣ не напрасна, и далъ ей страшную клятву исполнить вся священный завѣтъ.

«Срокъ моего отпуска приблизился, мы вырвались изъ объятій матушки. Вячеслава я уложилъ въ коляску почти безъ памяти : онъ плакалъ какъ ребенокъ.

«Я не буду описывать тебѣ первыхъ годовъ нашей петербургской жизни. Я не могъ жаловаться на Вячеслава : онъ былъ немножко вътрень, но за то сохранилъ всю дѣвственность души, столь рѣдкую нынѣ между молодыми людьми ; бездѣлица его огорчала, бездѣлица его же веселила ; онъ былъ весь паружу, говорилъ все, что ему ни приходило въ голову ; въ веселую минуту прыгалъ по столамъ и стульямъ, въ грустный часъ не могъ удержаться отъ слезъ ; иногда по цѣлымъ часамъ бѣгалъ по комнатѣ съ Боксеномъ, молодою лягавою собакою ; я тогда говаривалъ, что они любили другъ друга по симпатіи характеровъ, ибо одинъ былъ такой же бѣшеный, какъ другая. Въ-самомъ-дѣлѣ, Боксецъ, неприступный даже для меня, позволялъ Вячеславу дѣлать съ собою все, что приходило въ его внутренюю голову, и когда, бывало, они вмѣстѣ разыграются, надобно было имѣть все мое хладнокровіе, чтобы ни не расхохотаться, ни не разсердиться не въ шутку ; но признаюсь, мнѣ больше нравилось дѣтское простодушіе моего брата, нежели ранняя расчетливостъ некоторыхъ изъ его товарищей, которые, казалось, были дипломатами

еще въ колыбели. Я познакомилъ его со многими домами; возилъ на балы; онъ танцевалъ усердно, съ полнымъ, искреннимъ удовольствіемъ; его веселый, открытый видъ не могъ не нравиться: дамы волочились за нимъ безъ всякаго милосердія, принимая его за настоящаго ребенка, а онъ, проказникъ, какъ говорится — *faisait le gros dos*. Я любовался, смотря на него, какъ отецъ на свое дитя.

«Наконецъ наступилъ давно, нетерпѣливо ожидаемый день: Вячеславъ былъ произведенъ въ корпеты; изобразить его радость невозможно; знакомый съ чиннымъ притворствомъ нынѣшней молодежи, онъ безпрестанно вертѣлся передъ зеркаломъ, то той, то другой стороной, чтобы лучше видѣть свои эпюлеты; потомъ, то бросался обнимать меня, то надѣвалъ трехугольную шляпу, то таскалъ Боксена за лапы. «Ты знаешь ли, Боксенъ,» говорилъ онъ, «что я теперь корнетъ? Понимаешь ли ты это? — Знаешь ли, что ты теперь будешь ходить по Невскому Проспекту со мною, съ господиномъ корнетомъ?».... И, казалось, Боксенъ понималъ его; но крайшею мѣрѣ, махалъ хвостомъ, и отвѣчалъ на слова Вячеслава громкимъ лаемъ. Всѣ эти простыя происшествія нашей тогдашней жизни, всѣ слова Вячеслава такъ живы въ моей памяти.

«Слеза скатилась съ рѣсницъ отшельника; онъ глубоко вздохнулъ, призадумался, вѣроятно, для того, чтобы собрать свои мысли, и наконецъ продолжалъ:

«У одного изъ нашихъ товарищей, Вецкаго, былъ старшій братъ, служившій въ сѣвской службѣ»

бъ. Я очень любилъ его ; онъ былъ человекъ весьма замѣчательный по своему уму, но отъ роду я не видывалъ человека болѣе неловкаго : онъ былъ физически какой-то недопосокъ, и потому очень слабого здоровья. Онъ имѣлъ сознаніе своего физическаго безсилія, и потому не позволялъ себѣ никакого удалства, даже никакого гимнастическаго упражненія. Онъ ходилъ медленно, осматривая каждый шагъ свой ; ѣздилъ верхомъ такъ, что кавалеристу нельзя было смотреть на него безъ смѣха, и когда молодежь гарцовала на горячихъ скакунахъ, онъ боязливо освѣдомлялся, какая лошадь смириѣе, и тщательно осматривалъ, хорошо ли подтянута у ней подируга. Къ тому же, онъ имѣлъ какой-то недостатокъ въ выговорѣ, который заставлялъ его говорить протяжно, почти заикаясь. Можешь себѣ представить дѣйствіе, которое онъ производилъ въ кругу молодыхъ, ловкихъ кавалеристовъ, полныхъ жизни и отваги, часто доходившей до безразсудства. Вецкій былъ хорошій товарищъ ; его любили, но всякій почиталъ обязанностію трунить надъ нимъ, надъ его нѣжнымъ сложеніемъ, неразвязностью, надъ его осторожностью, которая часто походила на боязливость. Вецкій сносилъ все эти пасмѣшки съ величайшимъ хладнокровіемъ ; иногда отдѣлывался умпой шуткой, иногда самъ съ другими смѣялся надъ собою, но чаще не зналъ что отвѣчать на неожиданныя вылазки, ибо, казалось, и умственныя его способности были такъ же неразвязны, какъ тѣлесныя. Онъ принадлежалъ къ

числу тѣхъ людей, которыхъ легко сбить съ толка, забросавъ ихъ словами, и которые, часто, никакъ въ первую минуту не найдутся. Но такое состояніе было непріятно Вецкому, хотя онъ и старался скрывать гнѣвъ свой подъ всегда спокойною, холодною наружностію; видно было, что онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы не терять власти надъ собою, приговаривая съ улыбкою, что ему сердиться *нездорово*. Съ нѣкотораго времени, я замѣчалъ, что братъ мой больше всѣхъ груститъ надъ Вецкимъ, но мы все такъ уже привыкли смѣяться надъ нашимъ *фрацишникомъ*, такъ привыкли видѣть въ немъ забавное превращеніе времени, что я не обращалъ на поведеніе моего брата особеннаго вниманія; оно все намъ казалось такъ естественнымъ. Дѣло было въ томъ, какъ я послѣ узналъ, что Вячеславъ пристраивалъ Вецкаго къ одной красавицѣ, которой, по странному капризу, больше правился нашъ неловкій чудакъ, нежели мой ловкій, прекрасный кавалеристъ.

«Новые офицеры должны были, что говорится, *спрыснуть свои эполеты*; они разобрались дилми, чтобы сперва пировать у одного, потомъ у другаго, но скорый выходъ полковъ изъ казармъ въ окрестности Петербурга заставилъ ихъ отложить свои пирушки до-гъхъ-поръ, пока не перейдутъ совсѣмъ на лѣтнія квартиры. Наконецъ, наступили дни пирушекъ. Ты не можешь имѣть объ нихъ понятія; десять лѣтъ — цѣлый вѣкъ въ Россіи; миновалось время грубыхъ, необузданныхъ оргій, которыя ты

еще помнишь; пьютъ молодые люди благоразумны даже за бутылкой вина; пьютшія оргіи — чисты, благородны; на нихъ можетъ присутствовать жепшипа не краснѣя, но несмотря на это, шампанское попрежнему производитъ на людей свое дѣйствіе, отъ него также поднимается кровь въ голову. Правда, пьютъ, говорятъ, уже не честь пить до того, чтобы свалиться подъ столъ, но по прежнему отъ вина человекъ становится веселѣе, быстрѣе, неожиданнѣе въ движеніяхъ, и по прежнему все его чувства становится живѣе; всякая мысль, иногда забытая въ глубинѣ души въ трезвомъ состояніи, растетъ подъ поливкою шампанскаго, какъ подъ микроскопомъ. Пирушка происходила въ небольшой деревенской избѣ; на шампанское не скупились; къ тому же пирушка была не первая, и головы всѣхъ, даже Венкаго, были, какъ говорится, на второмъ взводѣ. Вотъ ужъ два часа за полночь. Мнѣ стало душно; я вышелъ изъ избы, пошелъ по деревнѣ; какъ теперь помню, ночь была холодная, свѣтлая: я съ наслажденіемъ впивалъ въ себя свѣжій воздухъ, любовался видомъ деревни, которая уже начинала багровѣть отъ первыхъ лучей зари; все было тихо, но свѣтился лишь домикъ, въ которомъ была пирушка; въ оконкахъ мелькали тѣни; до меня доходили хохотъ и веселые крики молодежи. Вдругъ... все стихло; при этой внезапной тишинѣ я невольно вздрогнулъ; сердце мое сильно забилося, будто я услышалъ странную, недобрую вѣсть. Не отдавая себѣ отчета въ моихъ чувствахъ, я неволь-

но удвоилъ шаги, возвращаясь къ избѣ. Когда я вошелъ въ нее, предчувствіе мое оправдалось: со мною въ дверяхъ встрѣтился Вецкій, съ шляпою въ рукахъ; онъ не сказалъ мнѣ ни слова, но былъ блѣденъ, какъ полотно, и подъ равнодушною улыбкой тщетно хотѣлъ скрыть внутреннее волненіе.

«Мнѣ тотчасъ рассказали, что случилось въ мое отсутствіе: пустая ребяческая шалость, но которая должна была окончиться кровью....»

«Молодые люди открыли окошко на дворъ; одинъ изъ нихъ вздумалъ выскочить изъ него, за нимъ другой, потомъ третій; кто падалъ, кто ушибался, потому, что окно было довольно высоко. Общій смѣхъ, опасность возбудили въ молодежи странное самолюбіе: всѣмъ захотѣлось испытать, не сломитъ ли кто себя шею при этомъ подвигѣ?»

«Ну ты что же?» сказалъ братъ старшему Вецкому, съ насмѣшливою улыбкою.

— Я не намѣренъ скакать — отвѣчалъ Вецкій холодно.

«Нѣтъ! ты непременно долженъ скакать.»

— Я тебѣ сказалъ, что не хочу.

«Ты не хочешь скакать,» отвѣчалъ братъ, разгоряченный виномъ, «потому что ты трусъ.»

— Я не совѣтую тебѣ повторять этихъ словъ — сказалъ Вецкій.

Бѣдный братъ не помнилъ самъ, что говорилъ, что дѣлалъ.

« Не только повторю, » возразилъ онъ, подбоченившись, « но еще скажу графиня М... (дама, за которою они оба волочились), скажу ей : вашъ нѣжнѣйшій обожатель — трусъ! Не угодно ли объ закладъ? »

Вецкій, не смотря на все свое хладнокровіе, вышелъ изъ себя; онъ сильно схватилъ брата за руку и проговорилъ :

— Осмѣлся, сумасшедшій!

Ударъ перчаткой по лицу былъ ему отвѣтомъ.

« Что тутъ оставалось дѣлать? Нѣкоторое время, я думалъ примирить противниковъ, но какъ? Заставить брата просить прощенія — невозможно : его самолюбіе было распалено офицерскимъ мупдиствомъ. Онъ самъ чувствовалъ, что поступилъ глупо, но начать свое поприще тѣмъ, что онъ называлъ подлостью, струсить, на это онъ не соглашался. Я самъ въ то время не могъ вообразить этого безъ ужаса. Мнѣ оставалось дѣйствовать на Вецкаго; я рассчитывалъ на его всегдашнюю робость, на всегдашнюю его осторожность и благоразуміе. Въ эту минуту эгоизма, мнѣ казалось, ничего не стоило оставить этого чловѣка подъ игомъ всеобщаго презрѣнія, чтобы только спасти брата. Смиривъ свою гордость, я пошелъ къ нашему фрачику.

Когда я вошелъ въ его комнату, онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и спокойно курилъ сигару. Его спокойствіе меня встревожило.

«Я хотѣлъ говорить,» сказалъ я ему, «не съ вашимъ секундантомъ, но съ вами. Вы, какъ человѣкъ благоразумный, должны видѣть въ поступкѣ моего брата не иное что, какъ шалость мальчика, который не заслуживаетъ вашего вниманія.»

Вецкій посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и улыбнулся.

— Вы поверьте, сказалъ онъ, — что я больше, нежели кто другой, жалью о поступкѣ вашего брата. Но позвольте вамъ сказать : вы сами не думаете того, что говорите ; скажите сами, можно ли это оставить безъ вниманія ? —

Эти немногія слова перемѣнили образъ моихъ мыслей о Вецкомъ. Я захотѣлъ тронуть чувствительность его сердца ; я рассказалъ ему всѣ наши домашнія обстоятельствова — прощаніе съ матушкой, ея слова... Я не шадилъ Вячеслава, называлъ его безумнымъ, шалуномъ ; я даже выговорилъ слово : *прощеніе*.

«Позвольте васъ спросить,» сказалъ мнѣ Вецкій, съ обыкновенною своею холодною улыбкой — «вы предлагаете мнѣ извиненіе отъ имени вашего брата, или отъ своего ?»

Я смѣшался и не зналъ что ему отвѣчать. Онъ устремилъ на меня прощательный взглядъ.

« Я хорошо понимаю ваше положеніе; я знаю, вашъ братъ не будетъ у меня просить прощенія, и — ему нельзя у меня просить прощенія. Я очень сожалѣю объ васъ, и даже объ немъ; я не бретёръ; дуэли не мое дѣло; мое правло въ жизни было: всегда избѣгать повода къ нимъ, но,» прибавилъ онъ выразительно, «никогда не отступать ни шагу назадъ, когда опасность неизбежна. Войдите въ мое положеніе: сколько разъ я отдѣлывался шутками отъ такихъ словъ вашего брата, за которыя другой имѣлъ бы уже десятка два дуэлей? Я шадилъ его молодость, и признаюсь вамъ, шадилъ самого себя, ибо въ жизни и безъ того много непріятностей, да она же и коротка: зачѣмъ ею жертвовать по пустякамъ? Но здѣсь дѣло другаго рода. Подумайте сами, что будетъ со мною, если въ добавокъ къ общему мнѣнію о моемъ излишнемъ благоразуміи, я и этотъ случай оставлю, какъ вы говорите, безъ вниманія? Вы знаете предрасудки общества: я не найду мѣста на земномъ шарѣ; на меня будутъ показывать пальцами; мнѣ останется застрѣляться, но это, согласитесь сами, было бы несогласно съ моимъ *благоразуміемъ*.»

Его слова были холодны, просты и насмѣшливы; но тогдашнимъ моимъ понятіямъ, я не могъ ихъ опровергнуть.

— Если такъ — вскричалъ я съ жаромъ, — то вы, милостивый государь, будете имѣть дѣло со мною.

«Если это можетъ вамъ доставить удовольствіе,» отвѣчалъ Вецкій, отряхая золу съ сигарки, «но не прежде, какъ мы окончимъ дѣло съ вашимъ братцемъ. Впрочемъ, вы сами знаете, что и братъ вашъ, вѣроятно, не согласится на такую сдѣлку. Извините — мнѣ теперь надобно окончить нѣкоторыя письма.»

Съ этими словами, онъ холодно поклонился; я выбѣжалъ изъ компань съ отчаяніемъ въ сердцѣ.

Дома ожидалъ меня секундантъ Вецкаго. Онъ объявилъ мнѣ, что ему поручено не соглашаться ни на какія миролюбивыя предложенія, кромѣ одного, чтобы братъ мой согласился предъ всеми офицерами полка принести извиненіе Вецкому. Не знаю, какъ нынѣ, но тогда такое условіе казалось совершенно невозможнымъ.

Оставалась одна послѣдняя надежда — Вецкій не умѣлъ стрѣлять. Я, по тогдашнимъ понятіямъ, былъ естественнымъ секундантомъ моего брата, я былъ всѣхъ ближе къ нему, и это дѣло мнѣ казалось неминуемымъ долгомъ родства и дружбы. Придумывая все средства, чтобы дать какой-нибудь перевѣсъ моему брату, я предложилъ стрѣляться въ двадцати шагахъ, и выстрѣлившему остановиться у барьера. Я надѣялся на мѣткость брата. Секундантъ Вецкаго охотно принялъ мое предложеніе. Едва мы окончили эту кровавую сдѣлку, какъ вошелъ Вячеславъ. Боксенъ прыгалъ передъ нимъ съ радостнымъ лаемъ. Братъ старался показывать безпечность и спокойствіе, игралъ и прыгалъ съ

собакою по-прежнему, но я видѣлъ, что онъ былъ внутренно взволнованъ. Вѣроятно, юношѣ представлялась жизнь во всей ея прелести; вѣроятно, ему не хотѣлось расстаться съ нею; я глядѣлъ на его свѣжее, красивое лицо, и сердце мое обливалось кровью. Въ эти немногіе часы, я постарѣлъ двадцатью годами.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже на мѣстѣ. Мысль, что я привелъ брата подъ свинцовую пулю, отнимала у меня всѣ способности думать и дѣйствовать; тщетно хотѣлъ я показать хладнокровіе, требуемое въ такихъ случаяхъ — я не помнилъ самого себя; секундантъ Вецкаго исполнилъ мою должность. Наступила рѣшительная минута; я собралъ всѣ свои силы; осмотрѣлъ пистолетъ Вячеслава; они стали на мѣста. Вецкій былъ холоденъ, какъ ледъ: едва замѣтная улыбка была видна на стиснутыхъ губахъ его; казалось, онъ стоялъ у камня на блестящемъ раутѣ. Взглянувъ на Вячеслава, я съ ужасомъ замѣтилъ, что рука его дрожала.

Данъ сигналъ. Противники стали медленно приближаться... Видъ опасности заставилъ Вячеслава забыть всѣ мои совѣты — онъ выстрѣлилъ... Вецкій зашатался, но не упалъ; пуля разбила ему левое плечо.

Скрывая свои страданія, онъ зѣнкомъ пригласилъ Вячеслава приблизиться къ барьеру; братъ, съ невольнымъ, судорожнымъ движеніемъ, ему повиновался...

Въ эту минуту я оцѣпенѣлъ; меня облило холод-

нымъ потомъ; я видѣлъ, какъ медленно приближался Вецкій, какъ наводилъ онъ убійственный курокъ, видѣлъ спокойный, неумолимый взглядъ Вецкаго. Вотъ онъ уже въ двухъ шагахъ отъ брата; я вспомнилъ матушку, ея слова, мои обѣщанія, и пришелъ въ состояніе близкое къ сумасшествію; у меня потемнѣло въ глазахъ, я забылъ все: и честь, и совѣсть, и условія общества; я помнилъ только одно, что *предъ моими глазами убиваютъ моего брата...* Я не вытерпѣлъ этой минуты, я бросился къ Вячеславу, обхватилъ его, заслонилъ собою и закричалъ Вецкому:

«Стрѣляйте!»

Вецкій опустилъ курокъ. «Развѣ такія были условія дуэли?» сказалъ онъ, спокойно обращаясь къ своему секунданту.

Общій крикъ негодованія раздался между присутствовавшими; меня оттаскили отъ брата... Раздался выстрѣлъ — Вячеславъ уналъ замертво!

Какъ рассказать, что со мною происходило въ это время? Я вырвался отъ державшихъ меня, кинулся къ Вячеславу, и не помня ничего, смотрѣлъ на его жестокія, предсмертныя муки; я видѣлъ какъ онъ судорожно извивался въ нестерпимыхъ страданіяхъ! я видѣлъ какъ глаза его закрылись навѣки!... Въ эту минуту Боксенъ, съ оборванной веревкой, прибѣжалъ на кровавое мѣсто, припалъ къ Вячеславу, вылъ и лизалъ его рану.

Этотъ видъ привелъ меня въ себя; я вскочилъ, схватился за пистолетъ, но Вецкій, ослабѣвшій

отъ раны, лежалъ уже безъ памяти на носилкахъ. Распаленный мщеніемъ, я было бросился къ страдальцу, я готовъ былъ растерзать его, но меня остановили... Какъ-будто сквозь сонъ, отдавались въ моихъ ушахъ упрёки и сужденія моихъ сослуживцевъ....

«Что тебѣ рассказывать далѣе?» продолжалъ отшельникъ. «Ты знаешь слѣдствія дуэли. Но казнь за преступленіе была для меня легка : моя казнь была въ моемъ сердцѣ. Жизнь для меня кончилась; я жаждалъ одного, или въ битвѣ съ врагами потерять мою ненужную жизнь, или похоронить себя живо. Первой чести я не удостоился. Здѣсь, вдали отъ родины, незнаемый никѣмъ, я стараюсь плачемъ и рыданіемъ заглушить голосъ моего сердца. Но до-сихъ-поръ ночью будятъ меня страшныя видѣнія : мнѣ представляются Вячеславъ, облитый кровью... матушка, умирающая съ отчаяніемъ, ... и въ ушахъ моихъ отдаются страшныя слова Писанія : *«Камъ! гдѣ братъ твой?»*»
